

Се Ин сказал:

— Мы прибыли с императорским указом. Дела закончены, нужно торопиться назад с докладом, так что устраивать ничего не надо. Однако уже смеркается, так что попрошу Юнпинскую управу приготовить несколько комнат для господина Лю и нас, Цзиньвэй.

Чжан Гуй покорно согласился и велел слугам всё приготовить. Цуй Се, видя, что до него никому нет дела, тоже собрался откланяться, но цензор Лю остановил его жестом и окликнул:

— погоди. Поручение государя исполнено, однако у меня есть к тебе еще одно дело.

Цуй Се тут же выпрямился и с невинным видом уставился на них двоих. Хотя лицом он стоял прямо к ним, его взгляд то и дело косился в сторону цзяньху Се.

Се Ин произнес:

— Ничего страшного. Просто господин Лю слышал, как в уезде Цяньань тебя хвалят за феноменальную память и называют вундеркиндом, научившимся писать сочинения всего за год, вот и захотел тебя проверить.

«Давайте, проверяйте! — подумал Цуй Се. — С жестким диском в голове моя память поистине абсолютна, могу цитировать хоть задом наперед, проверка мне не страшна!»

Глаза Цуй Се вспыхнули, от волнения на щеках выступил легкий румянец, отчего юноша выглядел еще более привлекательно. Лю Цзань хотя и сомневался в его работах, но, глядя на такого юношу, подумал, что один лишь его облик достоин первого места на испытаниях. Настроен он стал куда мягче и произнес с теплотой:

— Твои сочинения с уездного экзамена в уезде Цяньань неплохи. Я читал их: в них действительно соблюдены и логика, и канонические правила. Вот только написаны они слишком строго, изящно и чисто — трудно поверить, что подобное вышло из-под пера человека твоего возраста...

Идя сюда, он намеревался строго допросить ученика, как тот написал те статьи, но теперь вся строгость улетучилась. Тихо вздохнув, он проговорил:

— О прошлом я расспрашивать не стану. Ты ведь обладаешь феноменальной памятью? Так прочитай нам прямо здесь по памяти свои работы со всех трех сессий окружного экзамена, чтобы... чтобы господа чиновники и я могли их оценить.

Се Ин посмотрел на Цуй Се и с улыбкой сказал Лю Цзаню:

— Это ведь не допрос у цензора и не экзамен наставника перед учеником. Зачем заставлять его отвечать стоя? Принесите стул в центр, пусть отвечает сидя.

Цзиньвэй тут же принесли стул. Цуй Се сложил руки в приветствии перед Се Ином, поклонился и поблагодарил:

— Ученик благодарит за разрешение сесть.

Он был искренне благодарен цензору Лю за возможность пройти проверку. Было ли его первое место на уездном экзамене заслуженным или же начальник уезда Ци присудил его просто из симпатии к нему — доказательством могли служить лишь эти сочинения.

Цуй Се примостился на самом краю стула, открыл в памяти PDF-файл и медленно зачитал:

— «Весной проверял посевы и восполнял нехватку, служа образцом для удельных князей»: единым взором охватывая земли и не забывая о труде на благо народа, он тем самым устанавливает закон для Поднебесной!

— О-о, вводная часть сделана весьма основательно! — Лю Цзань слегка постучал пальцами по столу и напевным голосом повторил: — «Единым взором охватывая земли и не забывая о труде на благо народа, он тем самым устанавливает закон для Поднебесной...»

И он, и Чжан Гуй сдали две высшие ступени экзаменов и стали цзиньши, поэтому Четверокнижие знали наизусть. Лишь цянху Се был военным и, видимо, не слишком разбирался в канонах. Лю Цзань слегка наклонился, оперся локтем о столик и принялся разъяснять цянху Се:

— В древности сын Неба совершал объезды удельных княжеств весной, во время пахоты, и осенью, во время сбора урожая. Даже на прогулках и охоте он помнил о нуждах подданных и помогал им. И поскольку сын Неба совершал объезды, чтобы узнать о тяготах людей и явить им милость, удельные князья в своих землях бережливо подражали ему: помнили о своем долге, интересовались нуждами народа и не смели понапрасну беспокоить живых душ. Пословица эпохи Ся гласит: «Всякая прогулка и отдых сына Неба — образец для князей». Это восхваление того, что даже развлечения государя приносят пользу людям и служат правилом для князей. В наше же время это служит законом управления для всех чиновников Поднебесной.

Чжан Гуй тоже не удержался от похвалы:

— В самом исходном задании было: «Весной проверял посевы и восполнял нехватку». Однако в первой половине вводной части он не просто обыграл слова «весной проверял посевы» и «восполнял нехватку», но двумя словами «единый взор» охватил весь долг государя по инспекции весенней пахоты и осеннего урожая. А затем словом «труд на благо народа» раскрыл «восполнение нехватки». Ныне правление императора вовсе не ограничивается лишь помощью при весеннем севе и осенней жатве! Только слова «труд на благо народа» способны полно выразить заботу государя о делах подданных и стать законом для Поднебесной.

Подхваченный воодушевлением Чжан Гуя, цензор Лю с еще большей охотой углубился в дальнейший разбор:

— Выражение «труд на благо народа» не только раскрывает «восполнение нехватки», но и перекликается с духом всей главы: «печалиться печалью народа и радоваться его радостям». Лишь когда в душе живет любовь к людям, рождается и усердие ради них — именно это и способно стать законом для Поднебесной.

Се Ин оказался зажат между ними: они наперебой, покачивая головами, долго и увлеченно разжевывали текст, словно перед ними сидел ученик на уроке у двух наставников.

Впрочем, он не выражал недовольства, внимательно выслушал их разбор, кивнул и спросил Лю Цзаня:

— Значит, господин считает, что статья написана хорошо?

Цензор Лю уже готов был ответить «неплохо», как вдруг вспомнил, что пришел выискивать недостатки. Как он мог похвалить сочинение, услышав всего одну строчку?

Как минимум нужно выслушать весь текст!

Слово «неплохо» вертелось на языке, но он переменял тон и произнес:

— Вводная часть выполнена неплохо, но нужно послушать, как развернута следующая. — С этими словами он снова взглянул на Цуй Се. — Похвале не гордись. Читай дальше развертывание. Коли оно окажется слабым, то, как бы ни была хороша вводная часть, в статье не останется ничего достойного.

Цуй Се отозвался: «Слушаюсь», взгляделся в PDF и зачитал дальше:

— «Весной помогал, осенью содействовал — древние правители отправлялись в путь исключительно ради народа. Княжество Ци наделено высоким уделом, так отчего же не вспомнить пословицу времен Ся?»

Два цзиньши — один с кивком, другой поглаживая бороду — казались весьма довольными этим развертыванием.

Се Ин взглянул на Лю Цзяня, и тот, снова покачивая головой, принялся объяснять:

— Эта часть развертывания построена на приеме противопоставления. Вводная часть прямо утверждает, что усердие государя ради народа служит образцом для князей. А следующая строка развертывания уже не рассуждает о том, как князья управляют землями по правилам древних царей, а вопрошает: почему правитель Ци, будучи одним из удельных князей, не следует пословице Ся и не берет пример с древних государей, помогавших народу?

Чжан Гуй добавил:

— Сии строки переходят от повествования к рассуждению, вопрошая правителя Ци и подводя к глубокому смыслу всей главы. Исполнено весьма тонко и изящно.

Цензор Лю кивнул:

— Верно. Вводная и развертывающая части выстроены по принципу прямого и обратного, перекликаются между собой, слог легкий и ясен, а в рассуждениях сквозит искренность. Это прекрасное начало.

Се Ин с искренним видом спросил:

— На окружном экзамене заранее угадать тему невозможно. Раз Цуй Се сумел написать работу, заслужившую похвалу двух цзиньши, то и сочинения с уездного экзамена, несомненно, созданы им самим?

К этому моменту у Лю Цзяня почти пропало желание искать изъяны, и он чистосердечно похвалил:

— Се Ин прав. В экзаменационных сочинениях первых трех фраз обычно достаточно, чтобы решить судьбу работы. Судя по этим четырем строкам и его аккуратному почерку, если далее нет табуированных слов, а листы не испятнаны, звание шэньюаня ему обеспечено. А вот чтобы подняться выше, нужно смотреть, удержит ли текст после основного изложения эту высоту рассуждений — сможет ли автор поднять работу на новый уровень или же его силы иссякнут.

Он бросил взгляд ниже, и Цуй Се, не дожидаясь слова, послушно зачитал дальше:

— «...От молений об урожае до пахоты на императорском поле, от великих пиров до благодарности духам земли — весна и осень издавна почитались важнейшими временами. Запасы продовольствия поручены ведающим помощью, а проявление милосердия сопутствует спасению народа — забота о подданных своевременна. И все же проверка посевов и сбора урожая исполняется с неизменным усердием...»

Оба цзиньши слушали и наперебой объясняли офицеру Цзиньивэй, окончившему лишь школу воинского искусства и никогда не сдававшему гражданских экзаменов, насколько безупречно выстроена парная ритмика и как умело ввернуты классические цитаты.

Но посреди разъяснений цензор Лю вдруг спохватился, указал пальцем на Цуй Се и произнес:

— В своей работе с уездного экзамена ты ведь не использовал столько аллюзий! Та статья отличалась гармоничным стилем в духе древней прозы, а эта словно связана веревками: каждое слово строго соблюдает комментарии и каноны, до точности выверен ритм. Отчего ты не писал так же свободно, вкладывая чувства в рассуждения?

«Да потому что не смел писать свободно! Разве на экзаменах не нужно угождать вкусам экзаменатора?» — подумал Цуй Се.

Он с сомнением посмотрел на цензора, но подумал, что разгадывание вкусов экзаменатора — дело обычное, и признался прямо:

— Ученик заранее знал, что начальник уезда предпочитает древний стиль, поэтому при написании стремился к лаконичности и выразительности. О господине же Ване я слышал, что он любит строго структурированные современные сочинения, потому на экзамене я уделял больше внимания оттачиванию фраз и использованию выражений из канонов.

Лю Цзань про себя вздохнул: до чего же пали нравы на экзаменах, раз даже такой юный ученик уже умеет подстраиваться под вкусы экзаменаторов! Впрочем, и он сам, и Чжан Гуй в свое время поступали точно так же, поэтому высказывать подобные упреки вслух не стоило.

<http://bllate.org/book/18372/1761325>